

Сергей Минцлов

ГУСАРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Москва
RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М62

Минцлов, С.

М62 Гусарский монастырь/ С. Минцлов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 366 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72833-1

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72833-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	26
Глава IV	35
Глава V	42
Глава VI	52
Глава VII	62
Глава VIII	74
Глава IX	81
Глава X	91
Глава XI	99
Глава XII	108
Глава XIII	118
Глава XIV	133
Глава XV	143
Глава XVI	150
Глава XVII	160
Глава XVIII	168
Глава XIX	185
Глава XX	195

Глава XXI	205
Глава XXII	217
Глава XXIII	228
Глава XXIV	238
Глава XXV	248
Глава XXVI	259
Глава XXVII	274
Глава XXVIII	282
Глава XXIX	296
Глава XXX	307
Глава XXXI	316
Глава XXXII	333
Глава XXXIII	344
Глава XXXIV	352
Глава XXXV	361

ГЛАВА I

Усадьба Владимира Дмитриевича Пентаурова занимала в сороковых годах в городе Рязани целый квартал.

С Большой улицы сквозь решетчатую зеленую ограду прохожим виден был стоявший в глубине широкого двора огромный, двухэтажный дом с мезонином и башенками по углам, придававшими ему вид старинного замка; старинным он был и на самом деле, так как выстроил его еще прадед Владимира Дмитриевича в царствование императрицы Елизаветы.

Перед домом красовалась высокая куртина, несколько закрывавшая, благодаря разросшимся на ней кустам сирени, выступ просторного шатрового подъезда.

По ту сторону дома, за клумбами цветов, раскидывался густой парк из столетних, неохватных лип; прямая аллея, начинавшаяся от увитого плющом балкона, пересекала парк и упиралась в только что начатое постройкой большое здание, выходившее фасадом на другую улицу.

Рязань в те времена изобиловала богатым дворянством, широко, по-помещичьи расположившимся и про-

живавшим в ней, но усадьба Пентаурова и сам хозяин ее пользовались в городе особой известностью.

Владимир Димитриевич считался загадочным человеком. С большими связями в Петербурге, богатый, побывавший — что было редкостью тогда — за границей и, стало быть, повидавший виды, он вдруг года два назад вернулся из столицы в Рязань и зажил в ней безвыездно и даже только раза два-три заглянул в свое подгородное имение Баграмово. Что была за причина такого переселения — никто в городе не знал, и, как ни ломали себе рязанцы головы, додуматься ни до чего не могли.

Одни полагали это следствием смерти жены Пентаурова, приключившейся в Петербурге, и после которой якобы столица ему опостылела; другие шепотком передавали, что он навлек на себя немилость кого-то из великих мира сего, чуть не самого императора. Третьи, самые рьяные вестовщики, несли такую окончательную несуразицу, что на них только руками махали.

Как бы там ни было, но Пентауров, переселившись в Рязань, сделал всего три-четыре официальных визита и затворился в своих палатах. Псовой охоты, излюбленного тогда занятия помещиков, он терпеть не мог и не держал, хозяйством лично не занимался и чем наполнял свои досуги опять-таки было неизвестно.

И вдруг через два года в полном безмолвия парке Пентаурова застучали топоры и плотники стали возводить какое-то строение.

Первою всполошилась Клавдия Алексеевна Соловьева, девица лет тридцати пяти, необычайно длинная и сухопарая и чрезвычайно интересовавшаяся всем, что ни происходило в городе.

Уже больше недели назад, проходя мимо парка, она заметила, что к нему начали свозить бревна. Она остановилась и обратилась к возчикам с вопросом, зачем они привезли бревна.

Бородатый, осанистый мужик в белой посконной рубахе¹ и синих штанах глянул на тощую, как шест, незнакомую не то барыню, не то барышню, бывшую, несмотря на жаркий июньский день, в толстой черной мантилье и под раскрытым огромным, что верхушка копны, порыжелым зонтом. Маленькие черные глазки Клавдии Алексеевны оживленно бегали то по бревнам, то по лицам артели, то по части парка, прилегавшей к забору. Но разгадки происходившему ниоткуда не появлялось.

¹ В прошлом коноплю, известную еще до льна, выращивали повсеместно для производства посконной, или замашной, ткани. Такое название она получила благодаря мужским растениям конопли, из которых и делали более тонкое, но при этом очень прочное волокно. Мужские растения цветут и созревают на несколько недель раньше, поэтому выбирать их не составляло труда. В конце лета убирали женские. Из их семян получали пищевое масло, а также более грубые нити — пеньку, которая в основном шла на изготовление веревок и канатов, реже — на производство ткани. Посконные ткани считались у крестьян лучшими для рубах.

- Велено... — отозвался возчик.
- Кто велел?
- Барин, стало быть, наш; Пентауровские мы.
- Зачем?
- Этого мы знать не можем!

Мужик ухватил за конец бревна и стал подымать его через колесо.

— Строиться, что ли, хочет ваш барин, или забор будут поправлять?

— Забор?... — Мужик так неопределенно произнес это слово, что Клавдия Алексеевна сочла его за утвердительный ответ и, не видя больше ничего интересного кругом, поспешила дальше, чтобы успеть первой разнести весть, что Пентауров наконец зашевелился и решил поправлять свой значительно пообветшавший забор.

— Ну и ду-у-ра!.. — протянул мужик, когда она отошла на значительное расстояние. — Таки бревна да на забор?

— Что с нее взять? — ответил другой, как бы сожалеючи. — Видал, чать, какая у нее головка, что куричья, на спичке взоткнута. А глаза-то, братцы? Ровно блохи прыгают!

Мужики захохотали.

На другой день на место предстоящих работ, дыша, что запаленный конь, прикатился Арефий Петрович Званцев.

Званцев был не только известен решительно всей Рязани, но и весьма любим всем дворянством ее. Любили

его прежде всего за наружный вид, сразу заставлявший улыбаться людей: он состоял как бы из двух арбузов, — маленького и большого, поставленных друг на друга. Верхний, маленький арбуз, цвета новорожденного поросенка, был всегда тщательно выбрит и спереди, кроме щелок для глаз и рта, имел красную пуговку — носик и по бокам пару больших, словно приклеенных, ушей. Нижний арбуз и короткие ножки облекала коричневая пара.

Не имея гениальной прозорливости Соловьевой, обладавшей даром сообщать вести о событиях еще накануне их происшествия, он обладал даром потешать город и весьма немаловажной статьей для него являлось улаживание Клавдии Алексеевны и уличение ее во лжи. Эта неисчерпаемая статья необыкновенно радовала рязанских обывателей, и даровые представления, устраивать которые Званцев был великий мастер, доставляли ему, владельцу трех крепостных душ, не только безбедное, но и приятное существование.

— А ну-ка, как нынче погрызутся Арефа с Клавдинькой? — говаривали обыватели, собираясь на какую-нибудь вечеринку и уже заранее испытывая удовольствие.

Как человек сметливый и в строительных делах более сведущий, Званцев, как только окинул заплывшими жиром глазками груду навезенного материала, сразу сообразил, что забор тут ни при чем и что Пентауровым затеяно что-то другое.

Сердце взыграло у него при мысли о предстоящем посрамлении Соловьевой и, улыбаясь и причмокивая, он поспешил в лавку купца Хлебодарова, в которой, как ему было известно, забирал разную бакалею приказчик Пентаурова.

Лавка Хлебодарова находилась неподалеку, на углу той же улицы, и почиталась в Рязани самой лучшей; позади лавки имелась просторная комната, куда допускались только избранные посетители и где, под видом «пробы» вновь полученных вин, происходили веселые попойки и легкие кутежи преимущественно офицеров квартировавшего в Рязани гусарского Белоцерковского полка и сливок мужской части общества.

Михайло Хлебодаров у них известен был под шутливым прозвищем «мосье Мишу», данным ему кем-то из гусаров.

Для более серьезных кутежей служила гостиница, занимавшая весь верх над лавкою и примыкавшими к ней складами того же владельца.

Хлебодаров — огромный, грузный человек, с умным, но непомерно раздутым лицом, словно весь налитой растопленным жиром, колыхавшимся под кафтаном, был в лавке и беседовал с двумя какими-то чуйками¹, когда в нее, с видом приятно прогуливающегося человека, со

¹ Чуйка (устар.). Верхняя мужская одежда в виде длинного суконного кафтана. Толковый словарь Ефремовой. Перен. Человек в такой одежде (разг.).